

Н. И. Полтавченко

«ТО СТРАШНОЕ ВРЕМЯ ВСПОМИНАЮ КАК СОН...»

Н. И. Полтавченко. 2014 г.
Фото В. Васильев

Нина Ивановна Полтавченко (г. р. 1928) — ленинградка, блокадница, работала на телефонной станции на ул. Росси, общеобразовательные предметы проходила в вечерней школе вместе с ученицами ЛГХУ.

Награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Условия страшной, нечеловеческой жизни в осажденном городе вспоминаю сейчас как сон, как будто это было не с нами...

Блокаду — от начала до ее снятия — я пережила в Ленинграде. Перед войной и в начале войны мы жили на Невском, 5, на 4-м этаже, а примерно через полгода, когда не стало бабушки и мамы, я перебралась на ул. Росси.

Мне было 13 лет, когда началась война, мы с мамой с утра собирались поехать к тете за город. Помню, что мама говорила бабушке: странно, всю ночь летали самолеты и папу (Ваню) с утра вызвали повесткой на сборный пункт с вещами вплоть до зубной щетки и всей амуницией, но ничего не объясняли. Папа сказал нам, чтобы мы поехали без него, а он позже к нам приедет. Ровно в 12.00 мы сидели уже на Пороховых у тети, и вдруг объявление, что будет говорить Молотов... Здесь мы услышали, что гитлеровская Германия вероломно напала на нашу страну и сколько бы нам воевать не пришлось карточной системы не будет!

А до этого моя тетя рассказывала маме, что её старший сын, который был призван в пограничные войска, написал в письме: на границе творится что-то неладное, и, наверно, это последнее его письмо (так оно и случилось).

Приехали обратно домой, город гудит, все слушают у приемников сводки. А у нас вдруг объявляют, что школа эвакуируется, всех учащихся собирают. Мама моя не хотела, чтобы я уезжала, но учителя, руководство настояли и школьников нашей 210-й школы, она в начале Невского проспекта, увезли в Малую Вишеру. А немец туда пришел раньше, чем к Ленинграду. Но мама из сводок уже поняла всю ситуацию и приехала за мной с другими родителями совсем перед появлением немцев. И добирались до города мы уже под бомбежкой между налетами немецких самолетов.

Дальше мы замечали, что «немец» очень пунктуален, каждый раз в одно и то же время начинались налеты. Помню, в 18.00 — это когда людям надо идти с работы домой, — он и начинал бомбить. На чердаках ящики с песком, до ноября светомаскировка (потом уже свет в жилых домах отключили).

Блокада началась быстро, к 8 сентября уже с продуктами было плохо. Бабушка вначале по магазинам бегала, но мама убедила ее не позориться, что карточек не будет (так говорил Молотов на выступлениях по радио). Позже бабушка ей это вспоминала. Помню много беженцев, которые шли по бульвару Профсоюзов (Конногвардейский бульвар): семьями, с вещами, с коровами, все стремились в город.

Немцы уничтожили не только Бадаевские склады, но и продовольственные хранилища недалеко от «Горьковской» у зоопарка, около развлекательных «Американских гор». Наверняка у врага имелись осведомители, которые корректировали обстрелы важных для жизни города объектов... Пока было возможно мы ходили на ближайшие от города поля и собирали кочерыжки, а потом и дуранду, и клей ели, и ремни варили.

Со мной произошел один удивительный случай. С начала войны было установлено поочередное дежурство всех граждан с квартальными. Наш квартал был очерчен улицами Малой Морской и Гороховой, Адмиралтейским и Невским проспектами. А дежурные должны были ходить и смотреть за порядком, за выполнением требований военного времени, в частности — соблюдением светомаскировки (пока электричество в дома подавали). И однажды квартальный увидел в доме 1 по Невскому, наверху, светящуюся щель в окне. Он уже знал, что это за парадная, где квартира и послал меня, чтобы я предупредила, и люди закрыли бы окно плотно. Дети легко, быстро добежали, и я тоже взбежала наверх, сказала, что маскировка нарушена и только выбежала из дома, и мы успели вернуться за угол... Летит бомба и летит так близко, что казалось в нас. Я от страха в своем осеннем пальтишке протиснулась сквозь решетку закрытых дворовых ворот дома 3 по Невскому пр., у которых стояла, и как звереныш забежала по двору. А бомба упала на углу Александровского сада и Дворцовой площади и не разорвалась (тогда были случаи, что некоторые бомбы не взрывались). Так после, специально для меня открывали подъезд, потому что обратно протиснуться через решетку я уже не смогла, а на пальто у меня не осталось ни одной пуговицы.

Перебои с хлебом, очереди за 125 граммами хлеба — громаднейшие. Хлеб тяжелый, сырой, и продавцы иногда еще руку под весы подкладывали, чтобы хлеб меньшего веса продать людям.

Летом все обычно дрова заготовливали, а когда началась война, почти никто этого сделать не успел. Холодно, темно, потому что окна забиты, закрыты наглухо и свечи израсходовали быстро.

Наше бомбоубежище было в доме 7/9 по Невскому (после войны там появились кассы Аэрофлота), там же был Красный уголок, где все собирались. Помню, как-то глубокой осенью мы в убежище услышали, что где-то совсем рядом упала бомба. Было впечатление, что на наш дом (Невский, 5). А когда мы вышли, то увидели, что снаряд попал в дом, где сейчас открылось метро «Адмиралтейская».

Мама сердечница, мужа в начале войны похоронила, сын погиб. Но в начале войны она еще работала и получала рабочую карточку, а бабушка считалась иждивенкой. Бабушка умерла от дизентерии, а за ней и мама. Мама перед смертью все говорила мне: где карточки, где деньги, видно, чувствовала, что слабеет.

Я не понимала, тормозила её и говорила: «Мама вставай, пойдем за хлебом вместе...». Спали мы тоже вместе, в одежде, и однажды я встала, разговариваю с мамой, а она лежит, смотрит и не отвечает. Я не поняла, но пошла к крестной и сказала ей, что мама лежит и не разговаривает со мной, а глаза открыты. Крестная Маша пришла к нам, закрыла маме глаза и мне сказала, что мама умерла. Потом крестная забрала меня к себе, но когда потом она с семьей из города уехала, я не захотела и осталась.

Было уже так голодно, что взрослые и дети изменялись до неузнаваемости. У меня начиналась III степень дистрофии. Как-то стою в Елисеевском за хлебом, а меня спрашивают: «Бабушка, вы последняя?» Вот такая была сморщенная, как старушка, а мне всего четырнадцатый год шел.

Меня устроили на военный завод работать, но сперва ничему не учили, только выдали халатики черненькие. Мы только станки двигали, но зато получали рабочие карточки!

А на телефонную станцию на улице Зодчего Росси, дом 1 (напротив Хореографического училища), меня взяли соседи по дому, семья Орловых. Отец семейства Илья Степанович Орлов там работал начальником, все были на казарменном положении. На нашей стороне располагалась и воинская часть (морская), и трест нежилого фонда, и главный архитектор города, а мы обслуживали всю улицу телефонной связью, и я помогала телефонисткам. Мы одни из первых получили медали «За оборону Ленинграда», это было в 1942 году. А жили мы, как многие ленинградцы, прямо на работе, там на Росси такие толстые стены, что все можно пережить!

В Блокаду работал театр Музкомедии в здании Александринского театра. Мне тогда удалось посмотреть несколько спектаклей. Некоторые вспоминаю: «Майская ночь», «Сильва»... Но немец отслеживал скопления людей, как только собирались на спектакли, или по их окончании, обязательно начинались обстрелы (все же были корректировщики, те, кто передавал о жизни города немцам). Однажды мы получили талоны на обед и весь день не могли выйти из дома, так как беспрерывно шел обстрел.

Я и работала, и продолжала учебу в школе. На Невском, в доме 88, была вечерняя школа, я туда ходила, в конце четверти у меня в табеле расписывался начальник, — родителей-то не было... И там же проходили общеобразовательные предметы девочки из Хореографического училища. Они рассказывали, что их и взвешивали, и измеряли, как всегда было до войны. Вспоминаю, как некоторые из них переживали и беспокоились за свою учебу в училище: «Только бы не отчислили!». Вы представляете: вокруг голод, холод — война, а они волнуются о танцах! Я, к сожалению, не посмотрела ни одного концерта с участием одноклассниц, не видела и как они занимаются.

В те страшные и памятные дни у всех были свои участки работы, после учебы я бежала на телефонную станцию, девочки в училище — на танцевальные предметы. Поэтому времени для близких знакомств и душевных бесед не было. Но на уборку от снега выходили все, кто на улице Росси проживал, работал или учился.